

УДК 94(47).045-046

ЧЕТВЕРТНЫЕ ПРИКАЗЫ В РОССИИ НАЧАЛА XVII века

© 2011 г.

Д.В. Лисейцев

Институт российской истории Российской академии наук

liseitsev@mail.ru

Поступила в редакцию 05.04.2011

Рассматривается состояние системы органов по сбору налогов в Московском царстве начала XVII века («приказы-четверти»). Исследование административной практики правительства царя Михаила Романова позволяет оценить масштабы и степень необходимости административных реформ в области сбора налогов на исходе Смутного времени.

Ключевые слова: Московское царство, Смутное время, приказная система, административно-финансовая реформа.

К концу XVI в. в Российском государстве завершилось оформление ядра приказной системы управления. Приказами назывались центральные властные учреждения, действовавшие в тесной взаимосвязи с верховной властью и наделенные законодательными, исполнительными, судебными полномочиями. К числу приоритетных функций, выполнявшихся приказами, относилась фискальная политика. Но если для большинства приказов финансовая деятельность была дополнительной, то четвертные приказы, или четверти, были созданы именно для сбора податей с целью последующего их распределения между служилыми людьми Московской Руси. Начало сбора четвертных податей было связано с отменой кормлений в 1555/56 г. Именно с этой датой некоторые исследователи пытались связать оформление четвертных приказов [1–4]. Однако анализ сохранившихся источников позволяет сделать вывод о том, что эпизодически упоминавшиеся в 60–80-е гг. XVI в. четвертные приказы не были в полном смысле этого слова самостоятельными учреждениями. Более того, сбор податей с определенных территорий не был еще закреплен за тем или иным ведомством. Налоги, заменившие в городах и уездах кормление («кормленный окуп»), поручалось взимать четвертным (или, иначе, кормленным) дьякам, которые периодически переходили из одного приказа в другой. Соответственно, приказ, в который поступал на службу четвертной дьяк, начинал именоваться четвертным приказом. Лишь во второй половине 90-х гг. XVI в. в ходе административно-финансовой реформы, проведенной правительством Бориса Годунова, образовались самостоятельные четвертные приказы. В начале XVII в. система четвертей окончательно оформилась в том виде, в котором она просуществовала до

конца столетия. Система эта включала в себя пять четвертных приказов: Новгородскую, Владимирскую, Галицкую, Костромскую и Устюжскую чети. В период царствования Бориса Годунова, в 1601–1605 гг. существовал еще один четвертной приказ – Нижегородская четь, однако при Лжедмитрии I этот приказ был упразднен путем включения подведомственной ему территории в ведение Новгородской четверти. Встречающиеся в современной литературе указания на существование в начальный период Смутного времени приказа «Важской четверти» при детальном анализе сохранившихся источников позволяет сделать вывод о том, что под таким названием следует понимать приказ Большого дворца, которому в 1605 г. было передано право сбора четвертных доходов с Важской волости [5–8].

Прежними на протяжении всей Смуты оставались и административные функции четвертей. Как и ранее, главной задачей четвертных приказов был сбор податей на подконтрольных территориях. В их ведении был сбор прямых и косвенных налогов, а также оброчных доходов (в частности, взимаемая с кабаков питейная пошлина). Далеко не все собранные в подведомственных уездах деньги отправлялись в Москву, часть денежных поступлений расходовалась на местах. Например, в 1603 г. дьяк Нижегородской чети Иван Салманов распорядился, чтобы губные старосты выдали деньги на корм и мед проезжавшему через Нижний Новгород грузинскому посольству. Отправляя в 1613 г. посольство в Данию, правительство царя Михаила через Новгородскую четверть распорядилось выдать послам необходимые суммы из вологодских таможенных и кабацких доходов. Аналогичное распоряжение последовало из Костромской четверти в Ярославль. По распоряжению

дьяков Новгородской чети в Вологде и Архангельске летом 1613 г. выдавались деньги посылкам, следовавшим в Англию [9, л. 23–24; 10, л. 116; 11, л. 128]. В 1616 г. в Тулу из Владимирской чети была отправлена грамота с распоряжением оплатить работу по изготовлению самопалов «из наших четвертных и с кабацких доходов» [12, с. 14]. Четверти могли распорядиться, чтобы местная администрация обеспечила проезжающие дипломатические миссии (как русские, так и зарубежные) не деньгами, а провиантом. Летом 1604 г. в Новгородскую четверть поступила роспись кормов, которые следовало приготовить в городах по маршруту следования имперского посланника; спустя девять лет, летом 1613 г., руководство Галицкой чети распорядилось сбором в Коломне запасов для следовавшего в Османскую империю русского посольства [13, л. 97; 14, л. 58].

Однако большая часть средств, собранных на местах, доставлялась в Москву и передавалась в казну четвертных приказов, из которой, в свою очередь, расходовалась преимущественно на выплату жалования служилым людям – четвертчикам [15]. Имелись и иные статьи расходов. В частности, четвертные приказы иногда передавали часть имеющихся в их распоряжении средств ведомствам, испытывавшим нехватку денег. В сентябре 1614 г., например, из Устюжской чети велено было взять в Поместный приказ на избные расходы 20 рублей. В ноябре того же года Устюжская четь по памяти из Пушкарского приказа выплатила жалованье пушкарям, направляемым под Смоленск и в Вязьму. В феврале 1619 г. часть жалования дворцовым служащим (традиционно финансирующимся приказом Большого дворца) была выдана из Новгородской чети [16, л. 2, 6; 17, л. 306–307]. С другой стороны, и сами четвертные приказы периодически оказывались неплатежеспособными. В этих случаях они получали нужные средства в других приказах (в том числе и в других четвертях). В сентябре 1614 г. Костромская четь обращалась в Устюжскую с просьбой прислать 30 рублей для выдачи жалованья дьяку Четаю Обатурову; в феврале 1615 г. в Устюжскую четь с просьбой выплатить жалованье посланнику в Ногайскую орду обратилось руководство Владимирской четверти [16, л. 3, 17]. Отмечу также, что в четвертных приказах хранились не только денежные средства, но и иные ценности. Из Нижегородской чети в 1614/15 г. в Казенный приказ было передано сукно, в дальнейшем выданное в качестве жалования трубному и набатному мастеру [18, л. 50 об.].

Штат служащих четвертных приказов был относительно невелик. В первой четверти XVII в.,

как правило, во главе четверти стоял один дьяк. Исключением была лишь Новгородская четверть, имевшая самую обширную подведомственную территорию: в ней одновременно могли служить 2–3 дьяка. Для второго десятилетия XVII в. имеются также сведения о численности подьячих в четвертных приказах: во Владимирской чети в 1614 г. служило 9 подьячих, в Новгородской в 1615 г. – 17, в Устюжской в 1619 г. – 11 подьячих. Их оклады варьировались от 3 до 30 рублей [19, стб. 91, 263, 746]. Об объемах делопроизводительной работы четвертных дьяков и подьячих можно составить представление по описи дел Новгородской чети, сохранившихся после московского пожара 1626 г. В архиве этого приказа хранились составленные в тетрадной и столбцовой форме сметные списки доходов и расходам, столпики о запросных деньгах, окладные, кабацкие, ружные и хлебные росписи, счетные и денежные списки разных городов. Помимо того, в Новгородской чети хранилось большое количество писцовых, дозорных, платежных данных, оброчных и отдельных книг [20, с. 16–31].

Ведение делопроизводства было главной, но не единственной задачей четвертных подьячих. Они имели также судебные полномочия – их суду было подведомственно черное население городов и уездов, ведавшихся в их четвертях. Известно, что в Новгородской четверти был особый Судный стол (где служил в 1614/15 г. подьячий Петр Горемыкин) [19, с. 144, 239, 263, 272]. Четвертные подьячие могли быть привлечены и к полковой службе: в июне – декабре 1618 г. подьячий Костромской чети Илья Замятнин был прикомандирован к канцелярии полка князя В.С. Куракина, оборонявшего Арбатские ворота от войск польского королевича Владислава [17, л. 308]. Дополнительными обязанностями нагружали и руководителей четвертных приказов – дьяков. Они довольно активно привлекались к участию в приемах иностранных посольств, а также к патрулированию московских кварталов в пожароопасное время [6, с. 253–259].

Итак, рассмотрение деятельности четвертных приказов в первые десятилетия XVII в. не позволило выявить каких-либо принципиальных новшеств в их функциях и деятельности. Смутное время не оказало серьезного воздействия ни на структуру системы четвертей, ни на круг подведомственных этим приказам вопросов. Вместе с тем анализ ротации управленческих кадров четвертных приказов позволяет сделать вывод о том, что все российские правительства Смутного времени осознавали огром-

ное значение ведомств, ответственных за сбор податей.

Сохранившиеся источники позволяют проследить динамику кадровых перемен в руководстве четвертных приказов в период Смуты. По двум из пяти четвертей (Владимирской и Костромской) информация для начального этапа Смутного времени недостаточна. Тем не менее имеющиеся по остальным четвертным приказам сведения демонстрируют вполне определенную тенденцию. При Лжедмитрии во главе четвертей оставались дьяки, занимавшие эти посты при его предшественнике – Борисе Годунове. Устюжскую четь, как и ранее, возглавлял дьяк Василий Марков, Галицкую – Андрей Алябьев, Новгородскую – Федор Янов (рядом с ним в конце царствования Лжедмитрия появляется дьяк Нечай Федоров; расширение администрации приказа объясняется, надо полагать, включением в состав Новгородской четверти упраздненной самозванцем Нижегородской чети).

В царствование Василия Шуйского, напротив, администрация четвертных приказов была крайне нестабильна. В Устюжской четверти за четыре года правления Василия IV сменилось четверо судей: Василия Маркова в конце 1607 – начале 1608 г. заменил Герасим Мартемьянов, на смену которому пришел Василий Миронов, а затем – Филипп Голенищев. Схожая картина наблюдалась в Галицкой чети. В самом начале царствования Василия Шуйского в этом приказе служил дьяк Василий Марков (одновременно числившийся руководителем Устюжской чети), но довольно скоро его сменил дьяк Петр Желябужский; вместе с ним некоторое время в Галицкой чети служил Михаил Бегичев. На смену этим дьякам был назначен Григорий Елизаров, в начале 1608 г. видим главой четверти Герасима Мартемьянова (в то же время стоявшего во главе Устюжской чети), а затем, до конца царствования Василия Шуйского, Галицкая четь находилась под управлением Михаила Бегичева. В Новгородской четверти руководство было более стабильным, здесь руководителем был назначен человек, сохранивший доверие Василия Шуйского. От начала и до конца его царствования Новгородскую четь возглавлял Григорий Елизаров, пожалованный в думные дьяки и некоторое время руководивший также Галицкой четью. Второго дьяка Новгородской чети, Нечая Федорова, правительство Василия Шуйского заменило в 1607 г. дьяком Андреем Ивановым. Заметно стремление Василия Шуйского поставить во главе четвертных приказов ново пожалованных дьяков: к числу таковых относятся Г. Елизаров и А. Иванов (Новгородская четь), М. Бегичев (Галицкая четь), В. Миронов (Ус-

тюжская и Костромская четь). Одновременно с этим Василий Шуйский удалял из столичной приказной администрации четвертных дьяков Лжедмитрия: Н. Федоров был отправлен на службу в Сибирь (где и оставался до кончины), Ф. Янов и А. Алябьев были дьяческих чинов лишены.

После низложения правительства Василия Шуйского московская приказная администрация, подпавшая под влияние польского короля Сигизмунда III, была существенно обновлена, и четвертные приказы не стали исключением. Прежние дьяки были от руководства финансовыми приказами отстранены, на смену им пришли ставленники партии польской ориентации. В Новгородской чети в конце 1610-го и в 1611 г. в разное время числились дьяки Василий Юрьев, Степан Соловецкий, Филипп Голенищев и Федор Лихачев. Двое первых из них были выходцами из лагеря сторонников Лжедмитрия II, перешедших под покровительство польского короля. Устюжской четью было поручено распоряжаться дьяку Федору Апраксину, также отметившемуся службой в Тушино. В Галицкой четверти распоряжением новой администрации дьяком стал Андрей Подлесов, ранее бывший патриаршим дьяком. О руководителях Владимирской и Костромской четвертей в московском правительстве периода польской оккупации сведения отсутствуют. Тем не менее тенденция к замене прежних руководителей приказов финансовой компетенции своими ставленниками ярко выражена и в кадровой политике польского короля [6, с. 467, 470, 473, 479, 480, 666, 667, 672, 673, 684].

Четвертные приказы функционировали, вне всякого сомнения, и при Ополчениях в период осады Москвы. В приговоре I Ополчения от 30 июня 1611 г. было установлено: «Дворец и Большой приход и четверти устроить по-прежнему, как было преж сего на Москве, и доходы хлебные и денежные збирати в Дворец и чети» [21, с. 220–221]. По всей вероятности, к моменту принятия приговора четвертные приказы уже действовали при Ополчении. Во всяком случае, дьяк Михаил Федорович Огарков известен как руководитель Галицкой четверти уже 20 июня 1611 г., за 10 дней до утверждения вышеупомянутого приговора. Вероятно, функционировали к тому времени и другие четвертные приказы: с лета 1611 г. имеются данные о работе еще двух из них: Владимирской и Ярославской (Костромской) четвертей. Руководство этими четвертями было совмещено в руках дьяка Григория Яковлевича Витовтова, который ранее руководил Владимирской четью в правительстве Василия Шуйского, а возможно и в

окупированной поляками Москве. В августе 1611 г. Витовтов получил под свое управление и Галицкую четверть, с этого момента ненадолго он стал дьяком сразу трех четвертных приказов [22, с. 94, 382]. Впрочем, в октябре 1611 г. руководство Галицкой четью было передано дьяку Семену Владимировичу Головину. Головина в декабре 1611 г. сменил в Галицкой чети дьяк Михаил Петрович Бегичев [6, с. 667].

Четвертные приказы при I Ополчении действительно функционировали, велось соответствующее делопроизводство. В частности, в июне 1613 г. от продолжавшего сидеть в Галицкой чети дьяка М. Бегичева была отправлена память, в которой содержалась ссылка на документы, составленные в 1611/12 г.: «В Галицкой чети в кормленом столпу прош[лого] 120-го году в памяти за приписью дьяка Миколая Новокшенова написано: по боярск[ому] приговору дьяку Алексею Витофтову... оклад учинен сто десять рублей» [11, л. 122].

Сформированы были четвертные приказы и при II Ополчении. Произошло это, по всей видимости, уже после прибытия сил Ополчения в Ярославль. 25 апреля 1612 г. в Ярославле функционировала уже Новгородская четь, откуда была направлена грамота на Двину. Новгородскую четь возглавлял на тот момент дьяк Василий Юдин, примкнувший к Ополчению в Нижнем Новгороде [23, с. XI–XII]. В июле 1612 г., мы видим этого же дьяка главой Галицкой четверти. Позднее, уже в Москве в декабре 1612 г., один из молодых подьячих этого приказа – Терентий Богданов – подал челобитную, в которой упоминал о своей службе в Ярославле в Галицкой чети при дьяке Василии Юдине. Новгородскую четь при II Ополчении после В. Юдина возглавил дьяк Андрей Иванов [24, л. 1; 25, с. 265], который ранее служил в том же приказе при Василии Шуйском, а затем в период правления «семибоярщины».

В процессе объединения I и II Ополчений, протекавшего в конце октября 1612 г., произошло и слияние их административных структур. Вероятно, этот процесс отразился и на составе четвертных приказов. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что именно так было с руководством Галицкой чети. До середины декабря 1612 г. приказ возглавляли дьяки М. Бегичев и В. Юдин. Первый из них до того возглавлял Галицкую четь при I Ополчении, второй ведал таким же приказом во II Ополчении. Впрочем, В. Юдин во второй половине декабря 1612 г. был отослан на службу в Нижний Новгород, руководить четью остался М. Бегичев [23, с. 103, 171; 22, с. 383; 24, л. 1; 26, с. 25, 30, 31, 62, 137; 27, с. 40].

В конце 1612-го – начале 1613 г. шло перераспределение мест в центральной приказной администрации, что отражало общий процесс установления баланса между присутствовавшими в столице политическими силами. Не стали исключением и четвертные приказы. Как было отмечено выше, руководство Галицкой четью первоначально включало в себя двух дьяков, участников I и II Ополчений. Такой состав руководства приказа, безусловно, был результатом политического компромисса между двумя влиятельными военно-политическими силами, поскольку штат Галицкой чети не предусматривал необходимости присутствия во главе этого учреждения сразу двух дьяков: в первой четверти XVII в. Галицкой четвертью всегда руководил один дьяк, и лишь на протяжении короткого времени, в октябре – декабре 1612 г., в приказе присутствовали сразу два дьяка. Однако уже к концу декабря 1612 г. ситуация была возвращена в прежнее русло, и в Галицкой чети остался руководителем выходец из Ополчения князя Д.Т. Трубецкого. Другой дьяк из того же Ополчения, Г. Витовтов, сохранил за собой пост руководителя Владимирской чети. С другой стороны, Новгородскую и Костромскую четверти во «временном правительстве» ведали дьяки, пришедшие в Москву в составе Ополчения князя Д.М. Пожарского: Новгородской четью руководил дьяк А. Иванов, Костромской – дьяк И. Ефанов. Впрочем, Ефанов до перехода в лагерь II Ополчения был приверженцем I Ополчения, как, возможно, и А. Иванов. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, на чьей стороне были политические симпатии «товарища» А. Иванова по руководству Новгородской четью – дьяка В. Семенова, которого мы видим дьяком в этом приказе уже 3 января 1613 г. Наконец, во главе Устюжской чети был поставлен недавний сторонник поляков – думный дьяк П. Третьяков, который известен как глава этого приказа, по меньшей мере с первой половины марта 1613 г. Состав руководства пяти четвертных приказов, таким образом, отражал расстановку сил в освобожденной Москве: финансовые ведомства были под контролем участников I и II Ополчений, а также бывших сторонников королевича Владислава.

С прибытием в Москву избранного Земским собором царя Михаила Федоровича начались отдельные кадровые перестановки, которые, впрочем, не были на первых порах активными. В некоторых четвертных приказах оставались прежние руководители. В частности, вплоть до своей кончины летом 1618 г. Устюжской четвертью руководил думный дьяк П. Третьяков. Замечу, что одновременно он был также главой

Посольского приказа, что шло вразрез с установившейся на рубеже XVI–XVII вв. практикой, подразумевавшей установление полной самостоятельности четвертных приказов от руководителей других административных учреждений. Вероятно, до самой кончины руководил Владимирской четью дьяк Г. Витовтов. Во всяком случае, после середины апреля 1614 г. упоминаний о нем обнаружить не удастся. Надо полагать, что смерть прервала службу еще одного четвертного дьяка – Андрея Иванова, стоявшего во главе Новгородской чети до конца марта 1616 г. Другой дьяк Новгородской чети, В. Семенов, нес службу в этом ведомстве до лета 1618 г., и, надо полагать, тоже вплоть до кончины.

Появились в начале царствования Михаила Романова в четвертных приказах и новые руководители. В Новгородской чети рядом с дьяками А. Ивановым и В. Семеновым уже 5 мая 1613 г. появляется П. Матюшкин, имевший более чем четверть века стажа службы в дьяках; о его политическом поведении в период «междоусобицы» определенными сведениями мы не обладаем. Однако доверием нового московского правительства этот администратор, надо полагать, пользовался, поскольку в руководстве Новгородской четверти он оставался вплоть до 1621 г. В середине июля 1613 г. на посту руководителя Костромской четверти дьяка И. Ефанова сменил дьяк А. Степанов. Несколько позже, в декабре 1613 г., из руководства Галицкой четью выбыл М. Бегичев, который, похоже, вообще лишился дьяческого чина. На смену ему пришел дьяк С. Головин, ранее служивший в I и II Ополчениях.

После вышеназванных кадровых перестановок администрация четвертных приказов надолго стабилизировалась. Умершего в 1616 г. дьяка А. Иванова во главе Новгородской четверти сменил дьяк А. Витовтов, вместе с которым продолжили службу «товарищи» Иванова – дьяки П. Матюшкин и В. Семенов. Они служили в Новгородской чети и позднее, когда А. Витовтова (вероятно, скончавшегося в марте – апреле 1618 г.) заменил во главе приказа дьяк И. Грамотин. Во Владимирской чети в 1614–1620 гг. вершил дела дьяк М. Огарков, в Галицкой четверти в те же годы – дьяк С. Головин, в Костромской с 1613-го по 1620 г. нес службу дьяк А. Степанов. Устюжской четью вплоть до кончины летом 1618 г. ведал думный дьяк Посольского приказа П. Третьяков [6, с. 666, 667, 672, 673, 684].

Вместе с тем была предпринята попытка централизовать руководство четвертными приказами, поскольку нехватка финансов была одной из самых острых проблем, стоявших перед

правительством Михаила Романова, вынужденным признать, что «дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие ратные люди без нашего жалования служить не хотят и многие города мечют» [28, с. 166]. Наибольшей остроты ситуация достигла к середине 1616 г., когда для сбора экстраординарного налога – «запросных и пятинных денег» пришлось создать особый приказ, существование которого документально подтверждается с 31 мая 1616 г. [27, с. 155]. Правительству пришлось пойти на создание еще одного приказа фискальной компетенции – не позднее осени 1616 г. был учрежден Кабацкий приказ, ответственный за сбор питейных пошлин. Помимо учреждения новых ведомств, правительство решило поставить под более жесткий контроль Боярской думы четвертные приказы. Эту тенденцию мы наблюдаем уже с лета 1616 г. Второго августа 1616 г. впервые со времени учреждения четвертных приказов мы видим один из них – Галицкую четвь – под руководством боярина (судьей в приказе был боярин князь Г.П. Ромодановский). Месяц спустя, 3 сентября 1616 г. этот же боярин упоминается как глава Владимирской чети, с 30 октября 1616 г. – Новгородской четверти. К 10 января 1617 г. Ромодановский возглавил также Костромскую четверть, вследствие чего под его управлением оказались четыре из пяти функционировавших на тот момент приказов-четвертей. В ведение Ромодановского не стали передавать лишь Устюжскую четверть, которой тогда руководил другой член Боярской думы – думный дьяк П.А. Третьяков. Слияния четвертных приказов при этом не происходило: в каждом из них служил особый дьяк; штаты подьячих также оставались разными. Впрочем, через полтора года московское правительство от прежней централизованной модели отошло: не позднее начала января 1618 г. Ромодановского в Галицкой чети сменил другой боярин – М.М. Годунов. Около того же времени в Костромскую четвь вместо Ромодановского назначили боярина П.П. Головина. В конце марта – начале апреля 1618 г. Ромодановский покинул Владимирскую и Новгородскую чети. Замечу, что при этом в четвертных приказах остались на службе прежние дьяки (лишь в Новгородской четверти на смену умершему А. Витовтову пришел дьяк И. Грамотин). Аналогичным образом летом 1618 г. кончина думного дьяка П. Третьякова привела к смене руководителя Устюжской четверти: умершего судью заменил думный дьяк Разрядного приказа С. Васильев, который, в свою очередь, уступил через год, в июне – июле 1619 г., руководство четвертью только что вернувшемуся из польского плена

думному дьяку Т.И. Луговскому [6, с. 330–331; 29, с. 305–313].

Мы можем, таким образом, констатировать очевидную устойчивость административного состава четвертных приказов в первые годы царствования Михаила Федоровича: четвертные дьяки оставались на своих местах до завершения Смуты; перемены в руководстве этих ведомств были связаны исключительно со смертью ряда дьяков. Лишь в 1619–1620 гг. правительство, сформированное возвратившимся в Москву патриархом Филаретом, радикально обновило руководящий состав столичных приказов, в том числе и четвертных.

С другой стороны, нельзя не отметить стремления правительства поставить четвертные приказы под контроль Боярской думы. Не исключено, что подобным шагом администрация царя Михаила надеялась пресечь финансовые махинации в приказах, ответственных за сбор налогов и податей. Между тем возможности для злоупотребления у руководства четвертных приказов были довольно широкими. Приведу пример. В 1620 г. подьячие Посольского приказа подали царю челобитную с просьбой выплатить им т.н. праздничные деньги. В Посольском приказе была подготовлена соответствующая выписка, в которой были зафиксированы факты денежных выдач подьячим Посольского приказа с сентября 1618 г.; завершала выписку фраза: «А что преже 127-го году Посольского приказу подьячим для государева ангела и по празнику давано государева жалованья для бедности в приказ при думном дьяке при Петре Третьякове, и тому в Посольском приказе записки нет, потому что давано из Устюжской чети» [30, л. 7]. Напомню, что Третьяков возглавлял одновременно и Посольский приказ, и Устюжскую четь. Выплачивая своим подчиненным по дипломатическому ведомству «праздничные дачи» (выражаясь современным языком - премии), он брал необходимые суммы из казны подчиненной ему же Устюжской четверти. Причем необходимости фиксировать эти выплаты в Посольском приказе Третьяков не видел.

Впрочем, здесь речь шла о довольно невинном злоупотреблении, которое можно было бы трактовать как делопроизводственную неаккуратность. Однако мы имеем указания на факты более серьезных махинаций в гораздо более крупных размерах. Историк Е.Д. Сташевский в начале XX в. охарактеризовал порядки, действовавшие в Новгородской четверти первых десяти лет царствования Михаила Федоровича, как «что-то среднее между распущенностью и злоупотреблениями» [31, с. 106]. Думается, ха-

рактеристика ученого может быть признана излишне осторожной. Приведу выдержку из челобитной дьяка Петра Микулина. Он с конца 1619 г. возглавлял Владимирскую четверть, одновременно с этим входил в состав руководства приказа Приказных дел, иначе именовавшегося «Приказом, что на сильных людей челом бьют». На рубеже второго и третьего десятилетий XVII в. он производил финансовую ревизию приказа Новгородской четверти [22, с. 330; 27, с. 135]. В конце 1621 г. Микулин подал царю Михаилу и патриарху Филарету челобитную, в которой содержатся сведения о весьма существенных злоупотреблениях властью, которые допускались руководством Новгородской четверти: «сiju я, холоп ваш, у приказных дел у счету с окольными с Семеном Васильевичем Головинным четвертой год. И по нашему, государь, счету в Ноугородцкой и в Нижегородцкой чети взочтено на дьяков на Ондreja Иванова с товарыщи зачетных и складных денег, что они зачли, сложили без вашего государева указа и без боярского приговору, тринадцатъ тысячъ рублей. Да по мирским по розходным книгам и по росписям на боярех, и на дворянех, и на дьяках, и на всяких приказных людех поминочных и кормовых денег с семдесят тысячъ рублей» [17, л. 232]. Таким образом, в Новгородской четверти было утаено и, надо полагать, расхищено до 80 тысяч рублей. Для того чтобы масштабы хищений были понятнее, укажу, что по Столбовскому мирному договору 1617 г. Московская держава обязывалась выплатить шведскому королю вчетверо меньшую контрибуцию – 20 тысяч рублей [32, с. 378]. Несколько позже, во время наступления польского принца Владислава на Москву летом 1618 г., остро нуждавшееся в деньгах правительство царя Михаила направило в Казань для сбора денег казенного дьяка Б. Милованова. Всего в Казани и других городах «на Низу» дьяку удалось собрать в то непростое время немногим более 21 тысячи рублей, а в Москву к середине декабря 1618 г. (когда противостояние с поляками уже завершилось) успели доставить лишь 8 500 рублей [17, л. 104, 182, 189]. Масштабы хищений оттеняются также имеющимися сведениями о размерах денежных окладов служащих Новгородской чети. Годовое жалование главы приказа, дьяка А. Иванова, составляло на 1607 г. 100 рублей (возможно, в дальнейшем оно было увеличено, но вряд ли превышало сумму 150 рублей, поскольку более высокое жалование в рассматриваемое время получали думные дьяки, к числу которых Иванов не относился) [6, с. 542–543]. Годовой денежный оклад наиболее квали-

фицированных, т.н. старых подьячих в Новгородской чети не превышал в то время 30 рублей.

Замечу, что обнаруженные в приказе Новгородской четверти махинации относились ко времени, когда приказом руководил дьяк Андрей Иванов, последние упоминания о котором как о главе Новгородской четверти относятся к весне 1616 г. Это было именно то время, когда московскому правительству пришлось пойти на создание приказа Сбора пятинных и запросных денег, а также Кабацкого приказа. Между тем дьяки уже существовавшего ведомства утаили от казны и получили в виде подношений сумму, составлявшую примерно 5% государственного бюджета Московского царства в XVII столетии и приблизительно равную официальному годовому доходу четвертного ведомства в начале того столетия (Ж. Маржерет указывал, что в четвертных приказах после осуществления всех расходов ежегодно оставалось от 80 до 100 тысяч рублей) [33, с. 9; 34, с. 139]. Приходится констатировать и известную групповую сплоченность приказной верхушки, выражавшуюся, в числе прочего, и в фактах коррупции. Отмеченный еще в середине XVI в. Г. Штаденом принцип «рука руку моет» [35, с. 79], бытовавший между приказными дьяками, оставался в силе и в начале XVII в. Дьяк П. Микулин, проводивший по царскому распоряжению ревизию в Новгородской четверти, своей деятельностью испортил себе отношения со многими представителями своего чина, в том числе и с влиятельным думным дьяком Разрядного приказа С. Васильевым: «И будучи, государи, у тех ваших государевых приказных дел, со многими людьми стал в остуде и в разоренье и с детишками. По Сыдавново, государи, приказу Васильева розрядные подьячие сынишка моево Лучку в осадном списке в Помесной приказ за нынешнее твое государево осадное сиденье, рнясь мне, прописали нароком» [17, л. 232]. Из лиц, виновных в служебных злоупотреблениях, наказан был, возможно, лишь дьяк Новгородской чети П. Матюшкин, после февраля 1621 г. постригшийся в монахи. Дьяк А. Иванов, как уже указывалось, выбыл из руководства приказа еще в 1616 г. (вероятно, скончался); другой дьяк Новгородской чети, В. Семенов, не упоминается в приказе с июля 1618 г., выбыв из его руководства, т.о., еще до начала ревизии, проводившейся П. Микулиным [6, с. 604, 612, 622].

Подводя итоги рассмотрению состояния четвертных приказов в эпоху Смуты, мы должны констатировать определенную устойчивость системы органов, ответственных за сбор податей и перераспределение денежных поступлений на государственные нужды. Оформившаяся

к началу XVII в. система состояла из пяти четей (недолго просуществовавший шестой четвертной приказ, Нижегородский, был упразднен в самом начале Смуты). Необходимости в реструктуризации этой системы правительства эпохи Смуты не усматривали. Лишь на исходе Смуты, в первые годы царствования Михаила Федоровича, были предприняты попытки сделать систему сбора податей более эффективной: правительство учредило особый приказ для взимания экстраординарного налога – приказ Сбора запросных и пятинных денег, а также оформило отдельное учреждение для сбора питейной пошлины – Кабацкий приказ (иначе звавшийся Новой четью). Между тем, как показывают имеющиеся данные о масштабах хищений и махинаций в одном из четвертных приказов – Новгородской чети, установление более жесткого контроля над деятельностью уже действовавших учреждений вполне могло избавить правительство от необходимости административных преобразований.

Список литературы

1. Платонов С.Ф. Как возникли чети? // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 5. С. 158–171.
2. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. 399 с.
3. Сташевский Е.Д. К вопросу о том, когда и почему возникли чети? // Киевские университетские известия, 1908. № 12. Ч. 2. С. 1–40.
4. Садиков П.А. Московские приказы-«четверти» во времена опричнины (1565 – 1584 гг.) // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 117–166.
5. Павлов А.П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII века // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 217–227.
6. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. 792 с.
7. Лисейцев Д.В. Нижегородская четь начала XVII века: спорные вопросы истории четвертных приказов // Мининские чтения. Труды научной конференции. Н. Новгород, 2007. С. 130 – 138.
8. Лисейцев Д.В. Административно-финансовая реформа правительства Бориса Годунова и оформление четвертных приказов в Московском царстве конца XVI века // Преподаватель XXI века. 2010. № 3 (в печати).
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.)
10. РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.)
11. РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. Д. 48.
12. Арсеньев Ю.В. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче. Материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты. СПб., 1903. 29 с.

13. РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.).
14. РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.).
15. Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 9. М., 1912. 399 с.
16. РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.).
17. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. Д. 8.
18. РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 278. Л. 50 об.
19. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). Т. XXVIII. М., 1912.
20. Описание дел Новгородской чети в 1626 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1905. Кн. 1. С. 14–40.
21. Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. СПб., 2005. 266 с.
22. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 608 с.
23. Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 1–228.
24. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. Д. 37498.
25. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Л., 1939. 340 с.
26. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. 479 с.
27. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. 316 с.
28. Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. 234 с.
29. Лисейцев Д.В. О времени учреждения Кабацкого приказа // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: Ч. 1. М., 2008. С. 305–313.
30. РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.).
31. Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913. 387 с.
32. Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.
33. Козловский И.П. Значение XVII века в русской истории и характеристика предшественников Петровских реформ. // Университетские известия. Киев, 1908. № 2. С. 1–14.
34. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. 552 с.
35. Штаден Г. Записки о Московии. В 2 томах. Т. 1. Публикация. М., 2008. 584 с.

CHETVERTNYE PRIKAZY (QUARTER OFFICES) IN RUSSIA IN THE EARLY 17th CENTURY

D.V. Liseitsev

The article discusses the state of the system of tax collection in Muscovy in the early 17th century (the «quarter offices»). The study of the administrative practices of Tsar Mikhail Romanov's government shows the extent and the urgency of administrative reforms needed in tax collection at the end of the Time of Troubles.

Keywords: Muscovy, Time of Troubles, prikaz system, administrative and financial reform.